

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ДРЕВНЕГО ИНДОКИТАЯ

Долгое время история древнего Индокитая оставалась почти неизвестной не только для широких кругов историков, но и для большинства востоковедов. Лишь в середине XIX в. были предприняты первые шаги по систематическому изучению стран Юго-Восточной Азии, их быта и экономики, их своеобразного прошлого. Христианские миссионеры, способствуя установлению колониального режима на захваченных английскими и французскими колонизаторами территориях и пытаясь воспитать местное население в духе покорности и повиновения, часто проникали в малоизученные районы и давали попутно описание различных этнических групп. Поскольку многие из последних находились еще на стадии первобытно-общинного строя, эти описания сыграли некоторую роль в воссоздании древнейшей истории страны.

Несколько позже Индокитай привлек внимание этнографов, которым принадлежит основная масса работ по Индокитаю, появившихся в 3-й четверти XIX в. Среди них на первом месте стоит солидный труд А. Бастиана¹. Как известно, Бастиан пытался найти объяснение закономерностям исторического процесса в выдвинутой им теории «простейшей мысли», отвергнутой Марксом, как неправительной, путаной и бесформенной². Как отмечал Маркс, значение работ Бастиана состоит не в подобных «оригинальных», порой наивных домыслах, а в привлечении богатого, прежде неизвестного фактического материала. В «Истории индокитайцев» Бастиану, впервые в европейской литературе, удалось проследить последовательность заселения полуострова различными племенами и народностями (начиная с I тысячелетия до н. э.), установить общую принадлежность каждой из этнических групп и дать соответственно очерк ее древнейшей истории. Здесь же были проанализированы все известные к тому времени источники, в том числе многочисленные легенды, представляющие собой причудливое переплетение мифических сюжетов с реально-историческими, и определены отправные пункты местных хронологических систем.

Собственно исторические работы конца XIX в., претендующие на широкие обобщения, носили поверхностный характер, а их авторы занимались преимущественно вопросами политической истории. Среди других выделяется монография Л. Рони³, которым были рассмотрены известия древнейших китайских хроник об Индокитае, работы О. Леклера, посвятившего несколько крупных очерков изучению религии древних камбоджийцев, Ж. Дюмутье, проследившего историю Северного и Среднего Вьетнама по легендам и преданиям, и, наконец, труд Л. Фуриро⁴. Последняя работа, подведшая итоги всему, что было сделано тогда по изучению древнего Сиам от его каменного века до первых веков нашей эры, представляла для своего времени значительный шаг вперед. Особенно важным был общий вывод о принадлежности автохтонов страны к типу негроидов, а также уточненная Фуриро идентификация современных географических названий со старинными и анализ всех алфавитов, употреблявшихся в письменных источниках первых государств Индокитая.

Новый этап развития историографии Индокитая связан с деятельностью так называемой Французской Дальневосточной Школы. Это учреждение, опубликовавшее ряд археологических и палеографических материалов, являлось буржуазной научной организацией, пытавшейся осуществлять некоторые «культуртрегерские» функции; в то же время оно было тесно связано с колониальной империалистической администрацией, финансировавшей большинство изданий Школы. Многие ее сотрудники начинали свое знакомство со страной со службы во французской колониальной армии.

¹ См. A. Bastian, Die Geschichte der Indochinesen, Lpz., 1866.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXII, стр. 552.

³ L. de Ronny, Les peuples orientaux connus des anciens Chinois, P., 1881.

⁴ L. Fournereau. Le Siam ancien, P., 1895.

Некоторые вошли позднее в состав кохинхинского чиновничества и стремились поддерживать «хорошие отношения» с нарождающейся вьетнамской мелкобуржуазной интеллигенцией, привлекая ее на службу французскому империализму. Научные силы Школы группировались вокруг выпускаемого ею бюллетеня (BEFEO) и объединяли большой круг специалистов по истории стран Востока — от Индии до Японии, но преимущественно по Индокитаю. Среди них наиболее известны А. Масперо, Ж. Масперо, В. Голубев, П. Пельо, А. Пармантье, Л. Фино, Ж. Кэде, Р. Гейне-Гейльдерн. Помимо бюллетеня, Школа издавала еще приложения, где печатались работы не только сотрудников Школы, но и многих иных авторов, в том числе археологов А. Мансю и М. Колани, открывших в начале нашего века массу первобытных стоянок и жилищ в гротах с орудиями так называемого баксонско-хоабиньского типа и заложивших основы первобытной истории Индокитая.

В первой четверти XX в. появляются систематические курсы истории местных стран. Одни из них являются популярным перечнем главных политических событий, другие представляют собой введение или комментарий к археологии Юго-Восточной Азии, третьи дают изложение всего известного исторического материала с древнейших времен по XIX в. К наиболее важным, освещающим историю четырех главных территорий древнего восточного Индокитая (Тонкин, Ашам, Тьямпа, Камбоджа), принадлежат работы Ф. М. Савиной¹, Эймонье², Кадьера³, Ж. Леба⁴, С. Леви⁵, Б. Р. Чаттерджи⁶ и Р. Маджумадара⁷. Одновременно история древнего Индокитая начинает фигурировать в общих работах, иногда даже в качестве самостоятельного раздела, как, например, у Р. Грусэ⁸, которому принадлежит тезис о решающем значении индийского и китайского влияния для развития Юго-Восточной Азии (ук. соч., т., стр. 4). На большую силу этого влияния указывали почти все предшествовавшие исследователи, однако с правильными оговорками, поскольку центр Индокитайского полуострова оставался областью с совершенно самобытной культурой. Индийская иммиграция затронула в основном побережье; что касается Китайской империи, то ей принадлежали только северо-восточные районы полуострова. Не желая считаться с этими фактами, Грусэ переносит вывод, правильный в известной мере для некоторых областей, на всю страну, а с нее — на весь «Дальний Восток», понимая под ним Юго-Восточную Азию: он подчеркивает, что в древности по формам политического управления и социальной организации это — мир китайский; в своей духовной жизни, религии и искусстве это — мир индийский; поэтому весь Дальний Восток является Индокитаем в широком смысле этого слова (там же, стр. 5). Это положение, впервые сформулированное столь категорически и безоговорочно, превратилось в отправное для ряда последующих авторов. Стало почти традицией рассматривать все местное, оригинальное, дошедшее до нас от первых веков нашей эры, сквозь призму Индии или Китая, причем принималась во внимание лишь цивилизация высших слоев общества.

За последние 20 лет появились работы нового типа, большинство из которых можно разделить на две группы. Типичным для первой является исследование О. Джанса⁹. Его книга «Археологические разыскания в Индокитае» посвящена

¹ F. M. S a v i n e, Histoire des Miao, Hong-Kong, 1924.

² A y m o n i e r, Histoire de l'ancien Cambodge, P., 1920.

³ C a d i è r e, Résumé de l'histoire d'Annam, P., 1911.

⁴ J. L e u b a, Un royaume disparu: les chams et leur art, Paris — Bruxelles, 1923.

⁵ S. L e v i, Indochine, I—II, 1929—1931.

⁶ B. R. C h a t t e r d j u, Indian cultural influence in Cambodia, Calcutta, 1928.

⁷ R. C. M a j u m a d a r, Ancient indian colonies in the Far East, Lahore, 1927.

⁸ R. G r o u s s e t, Histoire de l'Extrême Orient, I—II, P., 1922—1929.

⁹ O. J a n s e, Archeological research in Indo-China, I—II, Cambridge, Mass., 1947—1951.

главным образом китайской цивилизации в Тонкине периода обеих Хань; кроме того, в ней затрагиваются отдельные памятники позднейших периодов от Саньго до южных Сунь. Первая экспедиция Джэнса состоялась в 1934—1935 гг., когда были обследованы провинции Бак-нинь и Тань-хоа, район около Сомронг-сена (Камбоджа) и Юго-Западный Китай. Вторая экспедиция, происходившая в 1936—1938 гг., изучала преимущественно Тонкин и Северный Аннам, в том числе районы, населенные горцами ман-кок, ман-твен, мяо, тхо, раде, мнгонг и пи. Третья экспедиция началась в конце 1938 г. и была, очевидно, прервана войной. Достоинством рассматриваемой работы является обильный иллюстративный материал. В книге даны фотографии и зарисовки наиболее важных находок. Научный аппарат составлен довольно тщательно. Однако самые исследования носят характер отдельных очерков. Несмотря на стремление приурочить каждую находку к определенному хронологическому периоду, Джэнс не стремится ни всесторонне показать место данного памятника в общем комплексе культурных достижений эпохи, ни осмыслить его историческое значение. На всей работе лежит заметная печать буржуазного вещеведения, далекого от подлинно передовой археологии. Это превращает труд Джэнса, собственно говоря, не в монографию, а в подбор археологических материалов.

Появление работ второго типа вызвано в основном тем, что за последние годы в буржуазной исторической науке резко возрос интерес к странам Юго-Восточной Азии. Вторая мировая война и изменение в соотношении сил двух лагерей, великий пример китайской революции и решительные общественные сдвиги в новом Китае, освободительная борьба угнетенных и поработенных народов Востока и расширение антиимпериалистического фронта в ходе борьбы за мир и национальную независимость заставили буржуазных ученых всех мастей по-прежнему подходить к проблемам изучения Востока, возбудили среди идеологов буржуазии большой интерес к районам, в которых осуществился прорыв фронта империализма, как, например, в Китае, Корее и Вьетнаме, где на месте полуколоний и колоний возникли народные республики. Поэтому для названных работ весьма характерен метод комплексного описания азиатских стран, показ их истории, наряду с общей характеристикой природных условий, материальных ресурсов, жизни и быта населения.

В качестве типичного можно указать на исследование И. Добби. Вышедшая в 1950 г. и изданная в 1952 г. на русском языке книга профессора Малайского (Сингапурского) университета И. Добби «Юго-Восточная Азия» посвящена описанию областей Восточной Азии, расположенных южнее тропика Рака (Бирма, Таиланд, Индокитай и Малайя), и островов, протянувшихся от материка к Новой Гвинее. В первой части книги дается характеристика местных природных условий; во второй характеризуются отдельные страны, третья часть освещает в целом экономику Юго-Восточной Азии и пути ее развития. Свои очерки Добби сопровождает систематическими экскурсами в историческое и культурное прошлое этих стран. Во вступительной статье к русскому переводу книги К. Попов отмечает главные недостатки исследования Добби и правильно определяет общественную позицию автора, пытающегося приукрасить колониальную политику империалистов. Однако он ничего не говорит об ошибках, содержащихся в главах и местах, посвященных проблемам истории, в особенности древней, и сам допускает некоторые неточности. Указанные же главы заслуживают тщательного анализа.

Добби написал свою книгу для общей ориентации чиновников, политических деятелей и бизнесменов, вершащих дела на Дальнем Востоке (стр. VI). Естественно поэтому, что он не желает считаться с изменениями, происшедшими здесь за последние годы. Демократическая республика Вьетнам, образовавшаяся еще в 1945 г., не существует для Добби, продолжающего мыслить категориями навсегда ушедшей в прошлое французской колонии Индокитай. Реакционная политическая направленность Добби, маскируемая на протяжении всей книги то либеральными фразами, то простым умалчиванием о жестокостях колониального режима, прорывается в последней главе, в которой автор с нескрываемым сожалением сетует о былых «счастливых» временах. «Послевоенный расцвет национализма в Юго-Восточной Азии,— пишет он,—

можно объяснять себе как назревшее выражение неуверенности и тревоги, порожденных разнородными влияниями, которые долгое время действовали на эти народы, разрушая старинную социальную целостность с ее теплыми, человеческими привязанностями, заменив их сухими отношениями, новым понятием об „экономическом человеке“, понятием холодным, жестоким, так и не пустившим глубоких корней среди народов Юго-Восточной Азии. Процесс перехода стран Юго-Восточной Азии из положения колоний в национальные государства происходит в неподходящий период... Позиции колониальных стран слабеют, причем это происходит в обстановке всеобщего кризиса, а не расцвета. Эра политического и материального развития Юго-Восточной Азии временно прекратилась. Вместо нее наступил период неустойчивости, чреватый возможностями взрывов, период упадка, а быть может, и полного распада...» (там же, стр. 338 сл.).

Реакционным взглядам Добби на настоящее соответствуют идеалистические представления о прошлом. Добби идеализирует первобытно-общинный строй — этот сохраняющийся до сих пор у наиболее отсталых народностей Юго-Восточной Азии «золотой век», совершенно умалчивая о трудностях борьбы первобытного человека с природой.

Ничего не говорит Добби и о том, что сохранение многочисленных древнейших пережитков у названных народностей является следствием колониального гнета американских и англо-французских империалистов, поставивших поработанные ими малые народы в положение совершенно бесправных и деградирующих этнических групп.

Те же установки проявляются у Добби в вопросах, на которых обычно спотыкаются все буржуазные ученые: роль церкви в развитии культуры и историческое значение завоеваний. Если в культуре современного Таиланда сохранилось многое от времен древнего Сиам, то это, по мнению Добби, — заслуга буддийского духовенства (стр. 243). Если Камбоджа является зависимой от Франции страной, то это исторически оправдано, поскольку она и в прошлом была колонией, только индийской (стр. 271).¹ Если в процессе тибетского вторжения на территорию современной Бирмы аборигены страны частично перемешались с завоевателями и образовали состоящую из нескольких десятков племен этническую группу «чин», то тем самым «чин» автоматически стали ответвлением тибетцев (стр. 154 и рис. 64), и т. д.

Этнографические ремарки Добби крайне поверхностны. Вот характерный образец такого описания: «Лао живут в небольших деревнях. У них сохранились прочные буддийские союзы и полусеigneurальные обычаи, но в отличие от камбоджийцев, населяющих более южные районы, у лао нет ни пантомим, ни танцев» (стр. 257). Подобные сообщения дополняются утверждениями, основанными на неправильных воззрениях автора, на непонимании им общесоциального процесса развития. Добби легко искажает историческую преемственность различных социальных учреждений, делает, например, сельскую общину обычным типом исходного развития и с удивлением констатирует, что у даяков на Борнео она оказалась «вытесненной прочными родственными отношениями» (стр. 210). Добби склонен переоценивать роль и значение географического фактора (см., например, стр. 80). Навыны утверждения автора о том, что «изолированное существование, обусловленное устройством поверхности, привело к развитию на Суматре многочисленных родовых групп...» (стр. 172), или: «повидимому, в период индийской колонизации этот город² стоял на берегу озера, чем и объясняется его бывшее величие» (стр. 260).

¹ В действительности же лишь правящая династия и отдельные аристократические и брахманские роды древней Камбоджи (современный Кхмер) были индийского происхождения, а индийской колонией в нынешнем понимании слова Камбоджа никогда не была.

² Ангкор — общественный, экономический, государственный и культурный центр наземной Чен-ла, а потом империи кхмеров.

Больше всего ошибок встречается там, где Добби затрагивает непосредственно древнюю историю Юго-Восточной Азии, особенно Индокитая. «Первоначально на этих территориях,— пишет он,— в глубинных районах страны, возникли отдельные политические образования: королевства средней Бирмы, верхнего Таиланда, внутренней Камбоджи, а также княжества, обосновавшиеся в горах Суматры и Явы. Затем наступил период становления и образования небольших государств, тяготевших в большей мере к морю, чем к суше...» (стр. 336). Это абсолютно неверно. Самыми ранними политическими образованиями в Индокитае были приморские государства Нжу-ло (IV—III вв. до н. э.), Пегу и Фу-нань (на рубеже нашей эры), в то время как бирманское и собственно камбоджское государства возникли уже после начала нашей эры, а появление местного государства таи падает вообще на период раннего Средневековья.

Далее Добби пишет (стр. 264): «Низменности Меконга вначале были населены камбоджийцами и лао». Это неверно вдвойне. Вся южная часть Индокитая от озера Тонлесап до полуострова Камо, составляющая теперь низменность реки Меконг, была образована его наносами лишь за последние два с половиной тысячелетия. По мере образования этих низменностей они заселялись аборигенами страны и индийскими переселенцами. Освоение этой территории кхмерами (древними камбоджийцами) началось несколько позднее. Что касается лао, то они здесь в древности никогда не жили. Наоборот, на лингвистической карте территория, занятая лаосцами, ошибочно показана как местность с кхмерским населением (стр. 335, рис. 120). На этой же карте почему-то пропущена индокитайская группа языков так называемых отсталых народностей, хотя автором сохранены соответствующие обозначения для других областей.

Путаница царит и в представлениях Добби о древнейшем населении Индокитая и его культуре. Так, индийскую колонизацию он упорно относит к началу II тысячелетия н. э. (стр. 260); он считает, что до индусов здесь селились арабы (стр. 102), и забывает о первой колонизационной волне из Индии, хлынувшей в Индокитай задолго до начала нашей эры. Впоследствии Добби вспоминает об этом, но, относя исход этой колонизации к рубежу нашей эры, ошибается лет на 300 (стр. 335). Моны, жившие в дельте Иравади, еще до того, как они проникли в долину Менама, необоснованно фигурируют на исторической карте Бирмы в качестве пришельцев с верхнего Менама (стр. 154, рис. 64). Говоря о местной культуре, Добби указывает, что для нее не типичны каменные постройки (стр. 324). Чтобы опровергнуть этот вымысел, достаточно вспомнить совершенно исключительные памятники Ангкор-Тома и Ангкор-Вата и Ми-Сона.

По мнению автора, кхмерская письменность ведет начало от южно-индийского алфавита (стр. 267). Это весьма сомнительно. Южные индокитайские алфавиты, в том числе кхмерский и тьямский, могли быть первоначально связаны с письменностью не южной, а северной Индии¹. Добби ошибочно утверждает, что «племена, населяющие эти страны (Юго-Восточной Азии), по имеющимся данным, никогда не занимались скотоводством» (стр. 298). Как раз в Восточном Индокитае, при археологических раскопках неолитических слоев, были найдены зубы свиней.

Отметим попутно, что многочисленные ошибки Добби дополняются, к сожалению, промахами, допущенными редактором и переводчиками в русском издании. Так, К. Понв пишет во вступительной статье, что город Ханой существует с IX в. н. э. В действительности же, на его месте еще до нашей эры находилось поселение городского типа. Орфографические, синтаксические и иные ошибки и неточности попадают почти на каждой странице. На карте Индокитая название реки Менама дано реке Салуэн (стр. 35). Ссылка на рисунок 118 (стр. 292) не соответствует контексту. Чамы (т. е. народность тьям — переводчики повторяют ошибку Добби) указаны лишь в качестве языка (стр. 292, рис. 118 и стр. 348). Наоборот, язык пали указан как народность (стр. 155 и 345). Одно и то же племя илоко фигурирует дважды, под названиями

¹ R. C. Majumdar, La paléographie des inscriptions du Champa. BEFEO. XXXII (1932), вып. I, стр. 138.

«илоко» и «илокан», как разные народности (стр. 293 и 335). В книге не соблюдается единство терминологии: одни и те же этнические группы именуются то лису (стр. 154), то лису (стр. 243); то миао (стр. 243), то мяо (стр. 256). Вместо общепринятого яо. переводчики пишут йао (стр. 243). Почему-то сохраняются французские названия рукавов реки Меконг («Флев-Антерьер» и «Флев-Постерьер», стр. 259), вместо того чтобы дать местные названия или же попросту перевести по-русски: Передний рукав и Задний рукав. Несомненно, требовалась более тщательная работа редактора; во введении следовало дать подробный анализ всех ошибок Добби.

Несколько иной характер носит работа Джэнса — «Народы французского Индокитая»¹. Джэнс поставил перед собой задачу дать в небольшой по объему монографии очерк истории, истории культуры и этнографии народов, живших в областях Французского Индокитая того времени. Эта книга написана Джэнсом по заказу военных кругов и рассчитана на читателей, интересовавшихся событиями в Юго-Восточной Азии, в том числе на бизнесменов и американских правительственных чиновников. Поэтому в начале книги Джэнс дал введение, затрагивающее в основном японскую оккупацию дальневосточных районов, кратко описал географические условия, климат, медицинское обслуживание, природные богатства, пути сообщения и порты Индокитая, а уж затем перешел к историческому прошлому местных народов.

Древнюю историю Индокитая, претенциозно названную в заголовке «Заря», Джэнс излагает от начала нашей эры, опуская все предшествовавшее развитие и считая последнее, повидимому, доисторией, а его изучение — уделом археологов.

Методологическая несостоятельность автора сразу же проявляется там, где он отходит от фактологии и пытается дать анализ общественной структуры местных горных народностей. Не понимая исторических закономерностей и специфических черт первобытно-общинного строя, Джэнс отказывается от обобщения и пишет, что «их социальная организация является по типу анархической» (стр. 20). По этой же причине все горные народности Южного Индокитая делятся им попросту на группы и подгруппы. Группа концентрируется вокруг наиболее крупного племени. Все остальные без всякой дифференциации объявлены подгруппами (стр. 27). Джэнс, как и многие другие буржуазные историки, считает матриархат и патриархат не различными стадиями развития общества, а извечно присущим данному народу типом организации, и отмечает, что у тьямов и родственных им племен существует матриархат, а у камбоджийцев — патриархат, как специфическая форма их общественной структуры (стр. 20). Наконец, всюду, где дается анализ не далекого прошлого, а вопросов современности, Джэнс сразу же проявляет себя как верный прислужник колониального империализма. Как бы между делом Джэнс бросает замечание, что «французское проникновение (в Индокитай), усилившееся в пятидесятые годы прошлого столетия, в значительной степени способствовало уничтожению социальных различий и рабовых барьеров и направило все лучшее, что есть у этих (индокитайских) народов, на путь предстоящего человеческого прогресса...» (стр. 11). Несколько далее мы узнаем, что «истинными благодетелями» этих народов были «обращавшие их в христианство французские и американские миссионеры» (стр. 27). Что же послужило причиной, побудившей Джэнса заняться изучением проблем Юго-Восточной Азии? Ответ мы находим в конце той же главы: «Индокитай является, без сомнения, в высшей степени важным районом театра военных действий. Только на этом основании страна и ее малоизвестные народности достойны изучения». Заявление, не нуждающееся в комментариях.

Джэнс значительно более сведущ в истории, чем Добби, и фактических неточностей в его книге немного. Все же отметим некоторые. Неверно, что только в конце I тысячелетия н. э. в Индокитае появились первые местные династии (стр. 7): национальная династия Трюю (даже если не говорить о существовавшей до нее полубогатой династии Тюк) правила с 207 по 111 г. до н. э. Нельзя согласиться с утверждением, что государство тьямов было основано в районе Нья-транг (там же);

¹ O. J a n s e, The peoples of French Indo-China, Washington, 1944.

скорее всего, исходной территорией его формирования является район между Биньдинь и Файфо. Джэнс безосновательно отвергает теорию происхождения вьетнамцев из областей Южного Китая, граничащих с Бакбо (стр. 12). Между тем, все имеющиеся в нашем распоряжении письменные источники заставляют считать последнее предположение более близким к истине¹. Неправильно замечание Джэнса, что язык тьямов лишь «несколько отличается от мон-кхмерского» (стр. 15). Между ними существует значительное различие. Тьямский и кхмерский языки (не говоря уже о монском, отстоящем от первого еще дальше, чем второй), хотя и относятся к одной языковой группе, принадлежат к разным ее ответвлениям. Указывая на аборигенов Индокитая, Джэнс перечисляет индонезийцев, мон, инонг, кха и др. (стр. 20). Следует заметить, что мон и кха, одни из древнейших жителей страны, все же не могут считаться ее аборигенами.

А. Шевеленко
